

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА

УДК 82-344
ББЛ 82.3, 83

РАССКАЗ Н. Д. ПАВЛОВА «ТЕОРИЯ ДОКТОРА КОЩУНСКОГО» КАК ОБРАЗЕЦ ГОРОДСКОЙ ЛЕГЕНДЫ КОНЦА XIX ВЕКА

АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ КОРОВАШКО

(Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского: Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород,
пр-т Гагарина, д. 23)

***Аннотация.** В статье содержится характеристика тех коннотаций, которыми обладает в русской культуре понятие «городская легенда». Показано, в частности, какими специфическими оттенками данное понятие было наделено в этнографии, фольклористике, мемуаристике и художественной литературе XIX—XX вв. Кроме того, в статье подробно проанализирован рассказ ныне практически забытого беллетриста Николая Даниловича Павлова (1855–1908) «Теория доктора Кощунского». В ходе анализа установлено, что указанное произведение, несмотря на определение «городская легенда», предложенное самим автором, не исчерпывается наличием сверхъестественных и мистических мотивов, привязанных к урбанистическому пространству. В нем явным образом прослеживается желание Н. Д. Павлова вступить в заочную полемику с нигилистическими и вульгарно-материалистическими воззрениями, не способными, с его точки зрения, дать универсальный ключ к всеобъемлющему постижению действительности и загоняющими человека в тупик схематичного мышления. Наряду с этим в статье продемонстрировано, что некоторые элементы рассказа Н. Д. Павлова имеют параллели в русском фольклоре (былички о домовых духах) и современной массовой культуре (нарративы о полтергейсте). Особый интерес представляет переключка одного из эпизодов «Теории доктора Кощунского» с романом О. Уайльда «Портрет Дориана Грея».*

***Ключевые слова:** городская легенда, домовые духи, полтергейст, литература и фольклор, волшебный портрет.*

Термин «городская легенда» (urban legend) в современной фольклористике обычно связывают с работами американского ученого Яна Гарольда Бранванда — главного популяризатора данного жанра, неутомимого собирателя и публикатора относящихся к нему произведений. Сам Бранванд, впрочем, является учеником Ричарда М. Дорсона, который в 1950–1960-е гг. употреблял термин urban belief

tales «для обозначения того, что мы сейчас называем contemporary legends и urban legends» [Brunvand 2002, 459]. Однако, подчеркивает Бранванд, «...к 1968 г. Дорсон уже использовал (и, возможно, придумал) известный нам сегодня термин urban legend» [Там же]¹. Не вдаваясь в дискуссию о том, кому именно принадлежит приоритет в создании термина urban legend, и не пытаясь построить развернутую

¹ Считаю своей приятной обязанностью выразить благодарность Ю. С. Ланской за ценные советы и указания, касающиеся проблемы распространения термина urban legend в западной науке.

историю его бытования², постараемся пролить дополнительный свет на некоторые обстоятельства, сопутствующие появлению его эквивалента в русской концептосфере.

Прежде всего, отметим, что выражение «городская легенда» уже в XIX в. могло употребляться в значениях «байка», «слух», «история бытового характера, не обладающая полной степенью достоверности, но широко распространенная в обществе». С привязкой к подобному рода семантике оно нашло воплощение, например, в очерке В. П. Бурнашева (1810–1888) «Городская легенда о причине последней дуэли М. Ю. Лермонтова» [Бурнашев 1873].

Кроме того, в конце XIX — начале XX столетия слово «легенда» часто соединилось не с родовым понятием «городская», а с его видовым отличием, указывающим на конкретный населенный пункт. Здесь можно указать на сборник Д. Булгаковского «Нижегородские легенды» [Булгаковский 1896] и на книгу Е. Баранова «Московские легенды» [Баранов 1928]. При этом географическая конкретизация оборачивалась в обоих случаях простым коллекционированием исторических и топонимических преданий, из которых, собственно, и состоят указанные антологии.

Едва ли не первым примером использования выражения «городская легенда» в значении, близком к современному, можно считать произведение Николая Даниловича Павлова (1855–1908)³ «Теория доктора Кошунского», вошедшее в ему же принадлежащие «Необыкновенные рассказы» [Павлов 1892].

Традиционные легенды, представляющие собой, по определению Павлова, «предания о сверхъестественном и рассказы о легендарных событиях» [Там же, 7], как правило, «сторонятся от больших городов, где нет простора для фантазии и приволья для чувства» [Там же, 8]. Тем не менее, продолжает он, города

всё же «имеют свои легенды, и эти “городские легенды”, исполненные мрачного смысла, толпами блуждают по узким, лишенным света и воздуха улицам, спускаются в убогие подвалы, заглядывают на чердаки и наполняют своими бледными призраками роскошные, ярко освещенные чертоги» [Там же]⁴.

В качестве одной из таких «городских легенд» Павлов и преподносит читателю свой рассказ.

В композиционном плане данный текст состоит из девяти частей, вычленившихся и пронумерованных самим автором. Первую часть образует своеобразная преамбула, в которой мы находим указание на время («вторая половина семидесятых годов» [Там же, 8]) и место («большой университетский город N» [Там же]) действия. Сконструированный таким образом хронотоп становитсяместилищем историй и слухов, которые сейчас были бы отнесены к городским легендам о полтергейсте. Мы, в частности, узнаем о «мелком мещанстве, проводившем целые дни на одной из окраин города, перед домом, в котором было “нечисто”» [Там же], о «фантастических рассказах, в чрезвычайном обилии циркулировавших по городу» [Там же, 9], о всеобщей настроенности «на нервический тон сверхъестественного даже таких лиц, которые были чужды области таинственного едва ли не в большей мере, чем чужды этой области домашние животные этих лиц» [Там же].

Среди тех, кто буквально по долгу службы обязан входить в категорию противников сверхъестественного, рассказчик выделяет «мелких лавочников» [Там же]. Последние, «возвратясь домой, на лоно своих семейств, с немалым смущением передавали содержание городских толков про нечистую силу, забравшуюся в дом сапожника, по Глухой улице и, несмотря на совокупные усилия пристава, его помощника, шести околоточных и одиннадцати городских, не желающую оставлять

² В российской науке эти вопросы рассматривались в следующих работах: [Чубала 1994; Майер 2005; Ланская 2006].

³ См. о нем: [Гамула 1999].

⁴ Содержательные параметры выражения «городская легенда», безусловно, могут существовать и в других лексических «оболочках». К ним, среди прочего, может быть отнесена та жанровая дефиниция, которую дал своей повести «Уединенный домик на Васильевском» (1829), восходящей к устному рассказу А. С. Пушкина, В. Титов: «...устное предание <...>, известное некоторым лицам среднего класса в Петербурге» [Пушкин 1979, 373].

излюбленного ею дома» [Там же]⁵. Генерированием слухов о квартирных проблемах несчастного сапожника занимались и «городские кумушки, прибавлявшие при этом, что, благодаря столь неуместному и даже противозаконному пребыванию нечистой силы в доме, исконные обыватели его принуждены были искать себе другого пристанища» [Там же]. Даже «полицейские протоколы, в свою очередь, надлежащим и вполне форменным, хотя и недостаточно грамотным образом, “удостоверяли о разбитии” всех до единого стекол в окнах злосчастного дома» [Там же].

Во второй части вводится главное действующее лицо — профессиональный, как бы сейчас сказали, «разрушитель мифов» и по совместительству доктор медицины Владимир Яковлевич Кошунский. Работая над созданием единой «теории явлений призраков» [Там же, 21], Кошунский «с видимым интересом искал всевозможных случаев посещать старые и необитаемые дома, за которыми упрочилась репутация “неблагополучных”, и, как говорили, действительно проводил целые ночи в старинных заброшенных склепах, уцелевших кое-где в старом, историческом городе, в опустелых помещичьих хоромах, покинутых своими обитателями, и не брезгал убогими хатами, лишь бы они, хоть по слухам, были облюбованы какими-нибудь “призраками”, порожденными, конечно, необузданной фантазией народа и вскормленными его широкой молвой» [Там же, 12].

Третья часть описывает поездку Кошунского, причем, как можно понять, уже повторную, на добровольное ночное дежурство в один из облюбованных нечистой силой заброшенных домов: двухэтажное «старинное здание казенно-барской архитектуры тридцатых годов (XIX в. — А. В.)» [Там же, 17], находящееся где-то на окраине города N.

В четвертой части, с одной стороны, излагаются основы незаконченного трактата Кошунского «О микробах

галлюцинации». Как установил в ходе длительных наблюдений Кошунский, «...микробы галлюцинации — это особого вида микроорганизмы, живущие и развивающиеся в старых, давно заброшенных зданиях, спертый воздух которых, вместе с тонкими и незаметными отделениями гниющего дерева, медленно истлевающих тканей и заплесневелых, осыпавшихся стен, представляет благодарную почву для их возникновения и развития» [Там же, 23]. По мнению Кошунского, «...этим и объясняется, между прочим, что все рассказы о случаях явления призраков и о целых фантазмагорических событиях неизменно приурочиваются к развалинам, необитаемым замкам, погребам и склепам» [Там же]. Поскольку «под влиянием некоторых видов дезинфицирующих веществ, далеко, впрочем, не всех, а особенно с притоком безукоризненно чистого воздуха, развитие галлюцинационных микробов прекращается, хотя окончательное и совершенное их уничтожение представляет задачу довольно трудную» [Там же], Кошунский, обосновавшись в кабинете выбранного им для ночных бдений дома, тщательно опрыскал с помощью наполненного карболовой кислотой пульверизатора мебель и стены.

Пятый фрагмент рассказа посвящен описанию наступивших Кошунского слуховых галлюцинаций в виде отовсюду раздающегося «страшного шума и треска» [Там же, 25] и его попыток с ними бороться, вдыхая нюхательную соль.

Подчиняясь принципу нарастания ужасного, имитация «городской легенды» у Павлова переходит к следующей повествовательной ступени, требующей, как можно догадаться, появления какого-нибудь антропоморфного призрачного создания. Им оказывается «странный фантом» [Там же, 27], имеющий обличье «маленького и сухощавого старика, одетого в бархатный халат коричневого цвета и старомодного покроя» [Там же]. Рисуя портрет inferнального визитера, Павлов

⁵ Хотя Павлов пренебрегает конкретизацией демонологических персонажей, захвативших жилье несчастного сапожника, и дореволюционный, и современный читатель наверняка способен уловить их связь с домовыми и кикиморами, которые, встретив недостаточное почтение со стороны «ответственных квартиросъемщиков», не отказывают себе в удовольствии производить ночной шум, переставлять мебель, бить посуду, наводить морок и т. д. Одним из первых литературных опытов «документирования» подобных проделок является рассказ писателя-романтика О. Сомова «Кикимора» (1829).

подчеркивает отсутствие в нем каких-либо признаков витальности: «...лицо старика поражало своим безжизненным цветом», а «толстые, чувственные губы старика были совершенно бескровны». И только «старческие, слезящиеся <...> глаза призрака» были «еще довольно живыми», хотя «смотрели прямо и не мигая» [Там же].

Старик заводит с Кошунским разговор о «теории микробов», который доктор пресекает, разоблачая беседу с призраком как ложный диалог: «Я говорю сам с собой, и говорю вслух только для того, чтобы яснее формулировать свои несколько сбивающиеся мысли. Что касается ваших речей, то они, в свою очередь, не что иное, как мои собственные мысли. А так как я одержим теперь галлюцинациями, то они и представляются мне мыслями, высказываемыми вами» [Там же, 28–29].

Кошунский пытается избавиться от столь достоверного наваждения (он кладет себе на затылок листок горчичной бумаги и, что выглядит несколько комично, усиленно опрыскивает старика из своего безотказного пульверизатора с карболкой), но фантом и не думает исчезать. Больше того, он устраивает самую настоящую вакханалию потусторонних явлений, с которой Кошунскому не помогает справиться и тотальная дезинфекция: «В одном из углов комнаты, в мерцающем свете нагоревших свеч, клубились и волновались какие-то смутные и неопределенные очертания нескольких нагих, но безжизненных человеческих тел, нагроможденных грудой и, казалось, извивавшихся в какой-то кровопролитной схватке или смертельной агонии. Свечи, стоявшие на окнах, погасли почти моментально, как бы от порыва сильного ветра, и фосфорический свет, вкравшийся извне, освещал гнусную и омерзительную сцену насилия, совершаемого дряхлым и отвратительным стариком над бледной, скелетообразной девочкой-ребенком. Фантастические тени темнели и стужались; они надвигались к письменному столу, росли и умножались. Страшнее всего казались смутные шорохи и тысяча дыханий, раздававшихся за спиной Кошунского. Мрачный кабинет продолжал наполняться странными и ужасными порождениями горячего бреда и уже становился для них слишком тесным.

В книжных шкафах, под вязанкой дров, наконец, под столом, у самых ног доктора, копошилось что-то бесформенное, отвратительное и ужасное. Это была какая-то оргия привидений, о которой не может дать даже приблизительного представления самое точное и самое художественное описание, как не может оно дать понятия о смутном и таинственном сновидении» [Там же, 30–31].

Однако в седьмой части рассказа спасение все-таки найдено: Кошунский освещает комнату вспышкой магния, делает себе ланцетом глубокий разрез на руке и распаивает окна, чтобы впустить свежий воздух, губительный для галлюциногенных микробов, в существовании которых он, однако, уже успел усомниться. Старик после этого начинает бледнеть, «терять свою кажущуюся осязаемость» [Там же, 34], но перед тем, как окончательно исчезнуть, произносит речь, заставляющую вспомнить обличения нигилизма и естественно-научного мышления, звучавшие в романе «Отцы и дети» из уст Павла Петровича Кирсанова (понятно, что Кошунский занимает в таком случае место Базарова): «Что касается вашей теории, то она может показаться новой лишь немногим. Для вас она также не может считаться новой. Она составляет лишь продолжение тех теорий, на которых построено все ваше существование, нравственное и материальное... Вы стремитесь подчинить рассудку то, что должно быть выше его. На все случаи жизни, на всякие движения сердца у вас есть в запасе готовые теории: для чувства любви, для каждого биения сердца, для всякого честного и молодого порыва, для всего на свете. Да, у вас найдется холодная теория, нагло и грубо освещающая и материнскую нежность, и беззаветную страсть молодости, и героическое самопожертвование, и благородную гордость, и горячий патриотизм. Вы, тридцатилетний мудрец, хотите получить от жизни то, что она дает человеку только в глубокой старости, — уверенность опыта и холод рассудка, и в этом заключается ваше бессилие. Вы, холодный эгоист, стремитесь подчинить нравственное существование идее материального, и в этом заключается ваше наказание!» [Там же].

Действие предпоследнего эпизода павловской новеллы разворачивается

уже в роскошной квартире самого Кошунского. Доктор, отказавшись от каких-либо контактов с внешним миром, в том числе и от общения с красавицей-невестой, стремится во что бы ни стало завершить свой трактат. Но, проецируя восьмую часть на предыдущее течение изложенных в рассказе событий, следует признать, что она является совершенно автономным сюжетным звеном, прикрепленным к предыдущему повествованию только таким связующим фактором, как идентичность главного героя. Никто из призраков, досаждавших ранее самонадеждному разрушителю мифов, его уже больше не тревожит. Вместо медиумического общения с духами Павлов заставляет Кошунского столкнуться с вещью куда более загадочной и устрашающей — с тем, что его портретное изображение, «писанное художником, имя которого произносилось в то время как синоним гениальности» [Там же, 37], вдруг начало стареть, опережая тем самым реальное физическое увядание доктора на многолетнего лет. В этом необычном повороте сюжета можно, конечно, углядеть влияние романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», но проблема в том, что знаменитое произведение английского писателя было, как известно, впервые напечатано в июльском номере «Ежемесячного журнале Липпинкотта» (“Lippincott’s Monthly Magazine”) за 1890 г. На русском же языке «Портрет Дориана Грея» увидел свет лишь в 1906 г., и это обстоятельство заставляет усомниться в прямой зависимости «Теории доктора Кошунского» от романа Уайльда. Разумеется, нельзя отрицать возможности высокой степени приобретенности Павлова к литературному процессу Британской империи, позволявшей ему отслеживать все книжные новинки тогдашней владычицы морей. Но это предположение, за недостатком соответствующих биографических данных, не имеет никаких предпочтений по отношению к альтернативному объяснению,

которые будет заключаться в признании абсолютной самостоятельности Павлова в разработке темы стареющего портретного облика.

Заканчивается рассказ еще одним плохо мотивированным сюжетным скачком — таинственным исчезновением доктора Кошунского из его же собственного кабинета («дверь кабинета была заперта изнутри; квартира Кошунского находилась к тому же в третьем этаже, и он не мог выйти из нее иначе, как в двери. Окна кабинета имели двойные рамы и не носили никаких следов повреждений» [Там же, 41]. С момента этой пропажи Кошунского никогда «больше не видели ни живым, ни мертвым» [Там же, 42].

В качестве заключения Павлов снабжает свое творение чем-то вроде того, что фольклористы бы назвали «паспортными данными». Он пишет: «Что касается пересказа этой “городской легенды”, которыми шумные и оживленные города богаты не меньше темных лесов и горных ущелий, то пересказ этот сделан со слов людей, хорошо знававших доктора Кошунского, а также и на основании его заметок, впрочем, далеко не оконченных, смутных и сбивчивых» [Там же].

Подводя итоги, следует сказать, что рассказ «Теория доктора Кошунского» представляет интерес не как ранний образец жанра «городской легенды» (созданный Павловым текст связан с ним лишь опосредованно), а как любопытный опыт совмещения под квазифольклорной «вывеской» довольно стандартных литературных мотивов и ситуаций. Совмещение это надо признать, вне всяких сомнений, крайне эклектичным, но оно свидетельствует о том, что модернизированная «мифология XIX века»⁶ привлекала внимание не только профессиональных этнографов и литературоведов, но и писателей-беллетристов, которые, похоже, сильнее ощущали необходимость расширения существующей жанровой номенклатуры, чем профессионалы-«народоведы».

Литература

Баранов 1928 — *Баранов Е. З.* Московские легенды. М., 1928.

Булгаковский 1896 — *Булгаковский Д. Г.* Нижегородские легенды. СПб., 1896.

Бурнашев 1873 — *Бурнашев В. П.* Городская легенда о причине последней дуэли М. Ю. Лермонтова: Из воспоминаний петербургского старожилы 40-х гг. // Биржевые ведомости. 1873. № 15. 02 июня. С. 1.

⁶ Своеобразным манифестом, декларирующим необходимость ее изучения, можно считать статью [Кирпичников 1894].

Гамула 1999 — Гамула И. П. Павлов Николай Данилович // Русские писатели. 1800–1917: Биогр. словарь. Т. 4: М.—П. М., 1999. С. 485–487.

Кирпичников 1894 — Кирпичников А. И. Очерки по мифологии XIX века // Этнографическое обозрение. 1894. № 4. С. 1–42.

Ланская 2006 — Ланская Ю. С. Американская городская легенда в контексте постфольклорной культуры. Дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2006.

Майер 2005 — Майер А. С. Исследование и собирание городских легенд в отечествен-

ной и зарубежной фольклористике // Взаимодействие культур в историческом контексте: Сб. ст. по матер. конф., (27–28 ноября 2003 г.) М., 2005. С. 234–247.

Павлов 1892 — Павлов Н. Д. Необыкновенные рассказы. СПб., 1892.

Пушкин 1979 — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 9. Л., 1979.

Чубала 1994 — Чубала Д. “Urban Legend”. Новый жанр фольклорной прозы? // Филологические науки. 1994. № 5–6. С. 40–44.

Brunvand 2002 — Brunvand J. H. Encyclopedia of Urban Legends. New York, 2002.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Доктор филологических наук, заведующий кафедрой русской литературы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского: Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23; тел.: +7 (831) 433-82-45; e-mail: welt20062@yandex.ru

---

N. D. PAVLOV'S STORY “DOCTOR KOSHCHUNSKIY'S THEORY” AS A SAMPLE OF THE URBAN LEGEND OF THE LATE 19TH CENTURY

ALEKSEY KOROVASHKO

(Lobachevskiy State University of Nizhniy Novgorod — National Research University: 23, Gagarina av., Nizhniy Novgorod, 603950, Russian Federation)

Summary. *The paper characterizes connotations which the concept of an “urban legend” contains in Russian culture. It is demonstrated, in particular, that some specific shades of this concept are elaborated in ethnography, folklore, memoirs and fiction literature of the 19th — the 20th centuries. In addition, the article analyzes a short story “Doctor Koshchunskiy's theory”, authored by a novelist N. D. Pavlov (1855–1908), who has got almost forgotten nowadays. The analysis determined that this literary artwork, despite the definition as an “urban legend”, proposed by the author, is not exhausted by the presence of supernatural and mystical motifs, bound to the urban space. It is possible to trace N. D. Pavlov's explicit desire to engage in an extramural polemic against nihilistic and vulgar-materialist ideas, which were not capable, from his point of view, to give the universal key to a comprehensive understanding of reality and pounding puzzled schematic thinking. Along with this, the article demonstrates that some elements of Pavlov's story have parallels in Russian folklore (oral mythological stories about household deities) and contemporary mass-culture (narratives about poltergeists). Analogy between one of the episodes of “Doctor Koshchunskiy's theory” with “The Picture of Dorian Gray” by Oscar Wilde is an issue of particular interest.*

Key words: *urban legend, household deities, poltergeists, literature and folklore, magic portrait.*

Acknowledgements. *I'm pleased to express my gratitude to Yu. S. Lanskaya for her valuable advices concerning the problem of the “urban legend” term proliferation in Western scholarship.*

References

- Baranov E. Z.** (1928) *Moskovskie legendy* [Moscow legends]. Moscow. In Russian.
- Brunvand J. H.** (2002) *Encyclopedia of Urban Legends*. New York. In English.
- Bulgakovskiy D. B.** (1896) *Nizhegorodskie legendy* [Nizhniy Novgorod legends]. St. Petersburg. In Russian.
- Burnashev V. P.** (1873) *Gorodskaya legenda o prichine posledney dueli M. Yu. Lermontova. Iz vospominaniy peterburgskogo starozhila 40-kh gg.* [An urban legend about the cause of M. Yu. Lermontov's last affair of honor]. *Birzhevyye vedomosti* [Bourse Bulletin]. 1873. The 2nd of June, No. 150. P. 1. In Russian.
- Chubala D.** (1994) "Urban Legend". *Novyy zhanr fol'klornoy prozy?* [Is "urban legend" a new genre of folklore prose]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences]. 1994. No. 5–6. Pp. 40–44. In Russian.
- Gamula I. P.** (1999) *Pavlov Nikolay Danilovich* [Pavlov Nikolay Danilovich]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biogr. slovar'* [Russian Writers. 1800–1917. Biography dictionary]. Vol. 4. Moscow. Pp. 485–487. In Russian.
- Kirpichnikov A. I.** (1894) *Ocherki po mifologii XIX veka* [Essays on mythology of the 19th century]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 1894. No. 4. Pp. 1–42. In Russian.
- Lanskaya Yu. S.** (2006) *Amerikanskaya gorodskaya legenda v kontekste postfol'klornoy kul'tury* [American urban legend in the context of post-folklore culture]. PhD Thesis (Philology). Nizhniy Novgorod. In Russian.
- Mayer A. S.** (2005) *Issledovanie i sobiranie gorodskikh legend v otechestvennoy i zarubezhnoy fol'kloristike* [Research and recording of urban legends in folklore studies homeland and abroad]. *Vzaimodeystvie kul'tur v istoricheskom kontekste* [Interaction of cultures in the historical context]. Coll. papers based on the conference 27th — 28th of November 2003. Moscow. Pp. 234–247. In Russian.
- Pavlov N. D.** (1892) *Neobykvennyye rasskazy* [Uncommon stories]. St. Petersburg. In Russian.
- Pushkin A. S.** (1979) *Coll. works*. In 10 vol. Vol. 9. Leningrad. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: welt20062@yandex.ru

Tel.: +7 (831) 433-82-45

23, Gagarina av., Nizhniy Novgorod, 603950, Russian Federation

Full Professor (Philology), head of the Russian Literature Department,

Lobachevskiy State University of Nizhniy Novgorod — National Research University

---